

ПОПЫТКА РЕАБИЛИТАЦИИ КОНЦЕПЦИИ ИСТЕРИИ НА ОСНОВАНИИ ПОНИМАНИЯ ПСИХОДИНАМИКИ И ЭКЗИСТЕНЦИАЛЬНОЙ ДИНАМИКИ

Феноменологический анализ истерических расстройств позволяет выделить присущую им инвариантную структуру: в аспекте динамики это особый способ переработки опыта, а в аспекте содержания — **особый тип** страдания в связи с невозможностью найти себя или утратой доступа к идентичности, коренящейся в Собственном. Поэтому для психотерапевтической работы имеет смысл использовать целостную концепцию истерии. Специфическая для истерии целостная структура формируется вокруг сильного чувства боли, которое возникает из-за состояния самоотчуждения или/и невозможности самому себя увидеть. Так как боль не может быть обработана и интегрирована, ее аффективное свойство анестезируется, что и проявляется как основная динамика возникновения истерического расстройства. Вытесненная боль вызывает специфическую высокую чувствительность к переживаниям стесненности, насилия и покинутости, порождающую защитные реакции по типу «ухода на дистанцию». Так формируются поверхностность, бесчувственность и избегание внутренней жизни (внутренняя пустота). Подобное психодинамическое развитие происходит параллельно с недостаточным персональным раскрытием. Оба структурных момента (психодинамика и экзистенциальная динамика) взаимно обуславливают друг друга. На этом фоне становятся понятными и доступными симптомы истерического переживания и поведения при соотношении с более широким (экзистенциальным) горизонтом Бытия-собой и Бытия-в-Мире.

Ключевые слова: истерия, диагноз, психопатология, психодинамика, экзистенциальная динамика.

1. Проблематика, понимание и диагноз истерии

Принятые сегодня методы исследования привели к отказу от единой концепции «Истерия» (подобное произошло и по отношению к другим нозологиям, например, «тревожным расстройствам» и «депрессии»), следствием стал отказ от диагноза «истерический невроз» (МКБ-9)*. Наряду с существующим, как и прежде, понятием гистрионного личностного расстройства (F60.4), в МКБ-10 для определения истерии, главным образом, используется обобщающее понятие диссоциативного расстройства (конверсионные расстройства — F44) с целым рядом самостоятельных функциональных диагнозов (таких как амнезия, расстройство чувствительности, фуга, двигательные расстройства), а также — «прочие невротические расстройства» (F48.1), в которое вошли синдромы деперсонализации или дереализации.

Интересно, что в МКБ-10 больше не проводится дифференциация между диссоциацией и конверсией. Это может быть оправдано лежащей в их основе одной и той же диссоциативной динамикой. В чисто дескриптивно-симптоматологическом аспекте эта общность не бросается в глаза, ведь обе формы проявления касаются различных субстратов: сознания и памяти в случае диссоциации, тела — в случае конверсии. Нужно отметить, что при внешнем сходстве — это совершенно противоположные динамики: одна из них — скорее, пассивная динамика

* Об этом же сожалеет Н. Мак-Вильямс: «Отход от нозологии, основанной на психодинамике, привел к тому, что многим современным студентам незнакомы важные понятия, о которых предыдущее поколение терапевтов было, по крайней мере, осведомлено. Например, исключение термина “истерический” из раздела “Личностные расстройства” третьей редакции DSM (DSM-III; Американской психиатрической ассоциация, 1980) и последующих руководств лишило начинающих терапевтов исторически важной, клинически значимой и согласующейся с техникой концепции» (Мак-Вильямс Н. Психоаналитическая психодиагностика. Понимание структуры личности в клиническом процессе). — *Прим. ред.*

сумеречного состояния и амнезий* (при диссоциации), другая — скорее, продуктивная (при конверсии). В целом, однако, создается впечатление, что такое разделение не является необходимым также и для психотерапевтической работы.

Отказ от единого понятия истерии С. Менцос** (*Mentzos*, 1997) обосновывает тем, что истерический невроз не может рассматриваться как единство симптомов. Это, конечно, так. Фиксация на какой-либо одной симптоматике заводит в тупик, поскольку противоречит именно тому, что следует рассматривать как признак проявлений истерической картины, а именно, ее переменчивость, гибкость и социальную адаптивность симптомов. Формирование константной, единой картины по принципу списка характерных симптомов в случае истерии принципиально невозможно: переменчивость истерических симптомов подобная хамелеону ускользает от внимания диагностики, поэтому строгий «принципиальный» подход к диагностике по симптомам оказывается слишком поверхностным***.

То, что сразу бросается в глаза в контрпереносе в ходе терапевтического процесса, — это стремление истеричного пациента впечатлить психотерапевта картиной жалоб, то есть пациент все время уходит от себя. Но именно это и является

* Диссоциативная fuga могла бы из-за своей целенаправленной, упорядоченной перемены мест «прочь из дома», при полной амнезии противоречить этому. И все же здесь доминирует амнезия, под защитой которой прокладывает себе дорогу экстровертированная потребность.

** Ставрос Менцос (*Stavros Mentzos*, 1930, Афины) — немецкий психиатр и психоаналитик греческого происхождения. — *Прим. перев.*

*** То, что при истерии в ходе статистических исследований не удается получить «что-либо “ясное” или “целостное”, констатировал еще Кречмер в 1944 г.: «Диспозиция к истерическому реагированию широко распространена и коренится, в конечном итоге, в общечеловеческом механизме инстинктов. Ее возникновение в равной степени зависит как от внешних раздражителей и жизненных ситуаций, так и от внутренней предрасположенности. Поэтому, если мы объединим всех истерически реагирующих в большую *статистическую* серию и попытаемся вывести из них тип истеричного человека, истерический характер, то из этого никогда не получится что-либо “ясное” или “целостное» (цит. по *Venesch*, 1981, 309).

тем феноменом, который в общем для своего изучения требует особого метода исследования.

Для того чтобы ближе подойти к центральной теме страдания человека, проявляющегося в истерии, вместо дескриптивного способа действия необходим *феноменологический подход*. Он не задерживается на уровне описания многообразных и часто противоречивых способов проявления, а направляет взгляд на лежащую в их основе структуру. На уровне структуры могут быть описаны как процессы (способы переработки), так и содержания (темы). Чтобы распознать истерию, следует рассматривать и то, и другое.

С. Менцос (*Mentzos, 1997*) справедливо заметил, что истерическому поведению, несмотря на пеструю картину симптоматики, предшествует единый процесс переработки. Истерия представляет собой, таким образом, единую форму разрешения и переработки конфликта. С феноменологической точки зрения целью процесса психодинамической переработки является *уход на дистанцию*, проявляющийся в самых различных формах, вплоть до диссоциации (дистанции без сохранения отношений). Так как в психотерапии мы преимущественно соотносимся с психодинамическими структурами переработки, единая концепция истерии была бы полезна для практики, и диагноз стоило бы сохранить.

Помимо единого способа переработки, во всех формах истерических расстройств также обнаруживается и единая экзистенциальная тема. С точки зрения феноменологии истерия представляет собой расстройство процесса нахождения себя, которое выражается в трудности при обнаружении и проведении границ (отграничивать Собственное и удерживаться в границах, соблюдать границы Другого/Других т.д.) Из-за этого конфликты истеричного пациента располагаются в сфере «Я—Другие» и «Аутентичное (свое)—Чужое».

То же самое по сути происходит и в диагностике истерии. Когда мы отказываемся от концепции единой «Истерии», мы также уходим от себя и теряем существенное. Подобно тому как специфическое истерическое страдание становится жерт-

вой собственной патологии из-за постоянного соскальзывания, уводящего от себя, существенное в нем может не быть увиденным (останется «неуслышанным») из-за мобилизации контрпереноса, приводящего к соскальзыванию в частные диагнозы. Таким образом, можно было бы говорить о методическом контрпереносе на уровне диагноза.

Еще один вопрос, который мог бы внести вклад в проблематику диагноза истерии — это вопрос о разграничении «невротического» расстройства и личностного расстройства. Основываясь на практическом опыте, можно допустить плавный переход (см., например, *Tutsch*, 2002, 59—84), представляющий собой различную степень тяжести единой картины нарушения, хотя за этим может стоять разная этиология (например, наследственная составляющая при личностном расстройстве). Наряду с единой экзистенциальной тематикой, к такому выводу можно было бы прийти также основываясь на предположении, что расщепление действительно является единым базовым процессом диссоциации и конверсии (*Längle*, 2002b, 157—176). Расщепление в общем рассматривается как характерное для модуса переработки на личностном уровне (особенно выражено в случае пограничного личностного расстройства из группы расстройств самости). В соответствии с нашей теорией расщепление все же представляет собой базовый феномен проведения границ — центральную тему 3 ФМ (*Лэнгле*, 2004; *Längle*, 1998; *Längle*, 2002b), который на уровне психодинамики в ситуации стесненности и нагруженности проявляется в виде копинговой реакции.

Впрочем, против такого взгляда выступают другие известные концепции. Распространенная психоаналитическая точка зрения, которую, например, представляет Менцос (*Mentzos*, 2002d), различает попытку решения конфликта в невротическом аспекте и в аспекте личностного расстройства. В соответствии с ней невротизация представляет собой конфликтную форму переработки проблемы или травмы, в то время как в личностном расстройстве редукция напряжения возникает через внутреннее избегание конфликта, благодаря чему возникают феномены

расщепления: противоречивые содержания переживания отделяются друг от друга таким образом, чтобы не соприкасаться.

Несомненно, чтобы достичь ясности нужны дальнейшие исследования, направленные на понимание форм переработки у людей с различными группами истерических симптомов. Именно психотерапевтический подход, наряду с психиатрически-дескриптивным, ориентирующимся на схему классификации (без соотнесения с психодинамикой), должен быть сохранен, как самостоятельная форма исследования. Потому что именно на динамическом уровне и благодаря феноменологическому пониманию могут быть описаны взаимосвязи, не находящиеся отражения в статистике.

2. Истерические черты в здоровом

В качестве первого шага для практической работы может быть полезно описать некоторые характерные черты и тенденции истерического, которые еще не следует оценивать как патологические. На основании этих личностных черт под воздействием нагрузки истерические симптомы возникнут скорее, чем на основании других личностных структур. Такими «нормальными», близкими к истерическим личностным чертам, к примеру, являются:

1. *Процессы внимания, соотносящиеся преимущественно с собой*: когда для человека в ситуации речь идет в первую очередь о нем самом, и он постоянно направляет внимание на себя.
2. *Экстраверсия*: когда истерическая предрасположенность связана с хорошей способностью к контактам, направлена вовне, такой человек не любит быть один.
3. *Динамика*: когда постоянно преобладает динамичная активность, переходящая в беспокойство и нестабильность; человек постоянно находится в движении, активности и предприимчивости.
4. *Организаторские способности*: когда преобладает умение всему придавать форму, создавать что-то формальное, осо-

- бенно для других; такой человек старательный, быстрый в суждениях и в схватывании ситуации, однако как бы держится в стороне, выглядит скорее «приятным», чем по-настоящему вовлеченным.
5. *Спонтанность*: когда стиль жизни характеризуется импульсивностью, способностью восторгаться, разнообразием, что заразительно для других, а потому многих захватывает, оживляет и воодушевляет.
 6. *Человек момента*: живет в Здесь-и-Сейчас; игриво-беспечен; в высокой степени занят разными делами, но при этом его действия не носят характера подлинной включенности, постоянного и последовательного участия в деле, скорее такой человек непостоянен и капризен.
 7. *Быстрота*: когда человек умеет быстро реагировать в ситуациях, требующих отграничения, может быть воодушевляющим заводилой, но также быстро становится нетерпеливым, настойчивым; такой человек дерзкий, бойкий, легко приспособляющийся, и все же по-настоящему не приспособившийся;
 8. *Преувеличения*: потребность впечатлять у такого человека в сочетании с уплощенными эмоциями ведет к преувеличениям; он чувствует сильное стремление к свободе; он — «нарушитель границ» в поведении и в речи (время, отношения, компетенция); он легкомысленный, чем вводит в затруднение и себя, и других.
 9. *«Обладание чутьем»*: такой человек обладает талантом интуитивного схватывания, чутьем на тенденции и тренды, он может хорошо интуитивно вчувствоваться в ситуацию, в происходящее, но не так хорошо сочувствует (так как это означает слишком много близости); он чувствителен, особенно в отношении того, что касается его.

Такие личности трудно ухватить, они ускользают, но сразу же снова оказываются здесь. Они сильны в своей гибкости, быстроте и силе. Они менее терпеливы, чем выносливы, больше оживляют, чем греют.

В этих первых кратких набросках уже всплывает *экзистенциальное содержание истерии* — борьба человека за свою идентичность, Бытие-собой в обществе других людей, поиск Собственного в отграничении от других. В истерическом поведении, а еще больше в истерическом страдании, речь идет о том, чтобы искать, сохранить и утвердить Собственное. Борьба эта заключается в преодолении ограниченности и стесненности человеческой экзистенции, которая в случае истерического расстройства типичным образом переживается как болезненная, и даже как «ужасная».

Экзистенциальная тема «права быть собой» отражается в проблемах самооценности и «Я», в обхождении с критикой, в страхе утраты признания, проявляется быстрым уходом на дистанцию и в тенденции отказываться, своенравием, упреками, занятости внешним, формальным, идеальным, одиночеством и робостью перед болью.

3. Симптоматология истерической группы неврозов

В диагностике МКБ-9 *истерический невроз* описывался как «сужение поля сознания, моторные или сенсорные функциональные расстройства». Для «невроза могут быть характерны симптомы конверсии или истерические сумеречные состояния. В конверсионно-невротической форме основными или единственными симптомами являются симптомы психогенных функциональных телесных расстройств, например: паралич, тремор, слепота, глухота или припадки. При сумеречных состояниях наиболее выделяющаяся черта — это сужение поля сознания, которое, вероятно, служит бессознательной цели...» (Benesch, 1981).

Невротическое выражение истерии заключается, таким образом, либо в формировании *симптомов конверсии*, что означает психогенные расстройства в теле (в области моторики и сенсорики), либо в *расстройстве сознания*, что ведет к таким *диссоциативным реакциям*, как амнезии, состояния транса, ступора или фуги.

Бенеш (*Ibid.*, 306—309) перечисляет следующие синдромы, которые чаще всего упоминаются в связи с истерическим неврозом.

1. *Сенсорные* расстройства.
2. Расстройства *моторики*, такие как расстройство побуждения, астазия-абазия, афония, гипермоторика конечностей, гипервентиляционная тетания.
3. *Конверсии*, такие как тики, судороги, паралич, расстройства внутренних органов.
4. *Трофические* расстройства: образование сыпи на коже, экзема, бородавки, истерические кровотечения, подъем температуры, крапивная лихорадка и т.д.
5. *Истерический припадок*: раньше истерический невроз часто проявлялся как «большой припадок».
6. *Эмоциональная лабильность* и внушаемость.
7. *Стремление быть в центре внимания* и театральность: изображать себя не таким, какой ты есть на самом деле. Потребность постоянно быть в центре внимания, которая часто сопровождается театральностью, экзальтированностью, манерностью, ажитацией, склонностью к преувеличениям (все имеет вес и характер значимости).
8. *Утрата памяти*: отрицание, вытеснение, может быть также связано с тенденцией к бегству или перемене мест («фуга»).
9. «*Прекрасное равнодушие*» («*belle indifférence*» по Фрейду): формальное и вежливое неучастие при дружеском обращении, которое сначала выглядит как особое умение устанавливать контакт, за которым, однако, впоследствии, «ничего не следует».
10. *Специфический страх*: страх перед необходимостью, перед болью и перед неприятным, перед «принуждением», то есть, перед вынужденным положением и стесненностью.
11. *Характерологические данные*: тенденциозный, ненастоящий, деланный, назойливый, провоцирует окружающих людей нетерпеливыми и обесценивающими реакциями (*Binswanger*, 1949 — цит. по *Benesch*, 1981). Конкретно называются также следующие черты: тщеславие, притворство,

поверхностность, беззаботность, «дисфемизмы»*, склонность к интригам, ложным подозрениям, злым сплетням.

12. Недостаточное *понимание* своего состояния, но, в то же время, следование любым побуждениям. Любое побуждение к чему-либо они находят «интересным»: «Они сделают точку зрения аналитика своей собственной, и разовьют кажущееся понимание и видение. Но вскоре мы все-таки будем вынуждены признать, что внешнее обманчиво» (Sievers, 1971 — цит. по *Benesch*, 1981).

4. Истерические формы переработки

При попытке обобщить способы переработки и реализации, которые задействуются в истерической картине, как минимум, обнаруживаются следующие:

1. Чередование «слишком мало» и «слишком много», например, в области аффектов, отношений, в собственных ощущениях и поведении.

2. *Диссоциативная ось*: в суждениях деление на противоположные категории («черное и белое», или—или, идеализация или обесценивание); при этом человек утрачивает свою собственную середину, которую — отщепленную у себя и в отсутствии доступа к ней — он ищет в другом (согласно девизу «Моя середина — это ты»).

3. *Функционирование*: для истеричного человека все становится средством для достижения цели. Он тот, кто использует, — по сути, он злоупотребляет и эксплуатирует другого, в отношении которого заявляет свои претензии, как если бы это было его собственное «Я». Действительно, другой выполняет для него обязанности в качестве Замены-«Я», поскольку у него отсутствует чувство себя, и ему нужен другой, который возьмет на

* Дисфемизмы — грубое или непристойное обозначение изначально нейтрального понятия с целью придания ему негативной смысловой нагрузки или просто для усиления экспрессивности речи, например: сдохнуть вместо умереть, морда вместо лицо, башка вместо голова (Wikipedia). — *Прим. перев.*

себя чувствование и будет его отражением. Отношения приобретают функциональный характер, становятся (возможно, после соблазняющего приглашения) паразитически-стесняющими.

4. *Поверхностный подход*: истеричный человек придает значение внешнему, формальному, производимому эффекту, воздействию, для этого хороши любые средства. Чувства отодвигаются во внешнее, на уровень аффектов и активностей (театральность, драматизм, сексуализация, непосредственная приятность). Он испытывает робость перед близостью, искренностью, истинным чувством и привязанностью.

5. *Хорошее чутьё*: у истеричных личностей имеется высокая чувствительность в отношении того, на что есть спрос, что нравится или что нужно другим, что является трендом. При этом они обладают большим умением примкнуть к этому тренду, пойти на него. Эта *ловкость* дает им близость и доступ к другому. Поэтому картина истерии очень *переменчива*, словно вирус гриппа, который каждый год имеет новый штамм.

5. Связующие линии истерической картины

Если мы попытаемся посмотреть на это феноменологически, то станут видимыми основные *линии истерической картины*, которые выделяются на фоне разнообразия отдельных симптомов.

В качестве главного общего и бросающегося в глаза феномена выделяется поиск *свободы*. Кажется, что стремление к свободе доминирует надо всем: освободиться от всех оков, границ, привязанностей, стеснений, болей, трудностей, проблем, нагрузок, усилий, и тогда возникнет невероятная легкость, ловкость, умение, беззаботность, наивность, приспособляемость, разнообразие, что-то неземное. В поиске собственного «Я», своего Бытия-*Person* истеричные люди как будто бы выбирают верный путь к Бытию-свободным (свобода действительно является существенным признаком *Person*). И все же, человек никогда не сможет найти себя только через «свободу от» без «свободы для», то есть не вступив в ответственные отношения с выбранной ценностью (объектом).

Можно было бы следующим образом описать мотивацию истерического стремления к свободе: *чем меньше знаешь, чего хочешь, тем больше стремишься к свободе* — в надежде встретить там собственное «Хотеть».

Необузданное стремление к свободе имеет различные последствия и может вновь быть обнаружено на фоне целого ряда симптомов: оно взрывает границы, влияет на форму отношений, а также — на Бытие *Person* и на соотношение с миром. Рассмотрим каждую из этих сфер в отдельности.

а) «Проблема границ»: истеричный человек не выносит ничего, что его стесняет. Границы всегда заключают в себе какой-то запрет. Быть таким образом ограниченным и замкнутым для истеричного человека слишком угрожающе и неприятно (далее мы увидим, что это связано с центральной проблемой боли). Поэтому он обходит границы, не обращает на них внимания, позволяет себе вольность не заботиться о них, при сопротивлении он их просто взрывает или «перепрыгивает». Это делает истеричного человека креативным, открытым для нового, для чего-то другого, необычного, не повседневного, особенного, экстравагантного, выходящего за рамки привычного. Он охотно везде присутствует, но только не в *середине* тем и областей, и только не в чем-то «обычном среднем» — он всегда эксцентричен, он всегда на краю обычного, всегда там, где других нет, всегда «скользит по краю», «играет с огнем». Переход границ закономерно приносит облегчение и освобождение. В этом манипулировании границами чередуются два способа: *лесть* и *подавление* (см. рис. 1). Лстливое поведение соответствует копинговой реакции типа *активизм* (поиск способов проникновения за границы другого, даже в том случае, если другой этого не хочет, использование его в своих целях). *Подавление* соответствует копинговой реакции *агрессия* (устранение и элиминирование или отрицание стесняющих и создающих препятствия границ, которые устанавливает или мог бы установить другой).

При этом переходящем границы стиле поведения Собственное истерического человека не может удерживаться перед самим собой. Возникает *непереносимость критики* — ведь критика,

Рис. 1. Типичные формы перехода границ в истерии

с одной стороны, устанавливает границы, а с другой — в ней, все-таки, идет речь о неком содержании, а именно, о «Собственном».

б) *Истерическое «крушение отношений»*: решиться на отношения, закрепиться, удержаться в них, признать свою ответственность, заботиться о привязанности, проявляя надежность, верность, доверие, заботу, беспокойство о другом и т.д., — все это для истеричного человека с его стремлением к свободе невозможно; он всегда удерживает себя от отношений, разве только на короткое время может «пуститьсь» в роман. «Noli me tangere!» («Не прикасайся ко мне!»*) — это его уста-

* «Не прикасайся ко Мне!» (лат. *Noli me tangere*) — евангельский сюжет, представленный в иконографии, где Мария Магдалина протягивает руки к воскресшему Христу, а он останавливающим жестом дает понять, что связь между ним и людьми больше не может быть физической, только духовной.

новка; он идет своим импульсивным путем, следуя соблазнам момента. Как же ему еще поступать, ведь у него нет доступа к себе, нет линии, которой он может следовать, кроме как искать себя, сохраняя при этом свободу и ища внимания других. Таким образом, в отношениях он остается недостижимым (также, будучи отцом, матерью или партнером), дарит больше внимания чужим людям и гостям, чем близким, последним остается лишь функциональное отношение.

Истеричный человек держится вдали от отношений, что находит свое отражение и в *способе познания*. К другим людям он всегда подходит *оценивающе*, сразу же создает для себя мнение обо всем и обо всех, иногда отличаясь высокомерием и надменностью, характерное всезнайство может приводить к менторскому тону. Всякое суждение создает дистанцию, разделяет, вводит различия, что и относится к сущности суждения: проводить демаркационные линии. Выгода в использовании суждений двойная: во-первых, дистанция от других ставит в безопасное положение, с которого можно легко сориентироваться в ситуации, чтобы использовать другого исходя из того, как он его «увидел» (истерик знает, чего он хочет от него иметь, и как он должен с ним обходиться); во-вторых, это также компенсация собственного дефицита границ и ограничений — компенсация через все тот же поверхностный подход, вновь и вновь используя других, вновь в модусе быть «слишком много» у другого и «слишком мало» у себя, вновь и вновь в модусе диссоциирования и «черно-белого» видения. Оценочные суждения, как известно, раскалывают группы и сообщества, носят в силу своей непостоянной, несерьезной и функциональной манеры характер интриги, оппортунизма и произвола.

Таким образом, у истеричного человека хотя и есть, и всегда быстро возникают мнение, теория, система, объяснение, идея, и тем самым, *превосходство* в отношениях (как и во всем другом, помимо отношений), но у него нет точки зрения, — зато есть дистанция.

В отношениях истеричный человек имеет сходство с *бабочкой*. Бабочке тесно в замкнутом пространстве, ей хочется на

свободу; когда она поймана и приколотая, утрачивает цвет. Она захватывающая и привлекательная, но до нее нельзя дотрагиваться. Это судьба, которая всегда преследовала «*femme fatale*»: к ней не подойдешь, но от нее и не уйдешь. Остается только стоять рядом с ней в страдании от неисполненности.

в) *Истерическая необязательность*: у него так много друзей, и все-таки нет ни одного; он знает так много людей, и никого не знает по-настоящему; его отношения — это «воздействия», запутанности, манипуляции, эротические игры, они возбуждают любопытство, но ничего не говорят, они легкие и легкомысленные, далеки от мысли о последствиях, об ответственности, о будущем или о прошлом; воздушная одномоментность, парящая свобода.

г) *Истерическое одиночество*: отсутствие отношений и необязательность имеются также и по отношению к самому себе — отсутствует глубокое чувство себя; у него нет себя в качестве визави; когда то, что будоражит извне, проходит, остается лишь пустота; ему незнакома страсть, зато знакома аффектация, активизм, эффекты, эсцентричность; он не может черпать из себя, потому что он — не у себя; он глубоко одинок, болезненно одинок. Рядом с ним нет никого в его одиночестве, там есть только Ничто, пустота; если бы он мог что-то свое выразить, то это была бы только пустота. Если бы у него не было другого, того, к кому он может прилепиться, он бы погиб в бескрайности и холоде этой пустыни.

В терапевтическом процессе мы не можем быть уверены, что усилия гарантированно приведут к цели: «Я» истерической личности — только *имитация, оболочка*, оно не наполнено персональным. Вместо эмоций имеет место аффект, вместо выражения — эффект, вместо отношений — манипуляция, вместо Бытия — видимость.

Так как жизнь не проживается персонально, то и не достигается *экзистенциальный уровень*, не происходят *Встреча* и обмен. В своем одиночестве и бесчувственности по отношению к самому себе он не способен вчувствоваться в других людей. Отсутствие у него сущности делает его слепым в отношении

сущности других. Его жизнь в поверхностном делает для него видимым в другом только лишь поверхностное. Он не способен идти навстречу миру и другому человеку, — он может лишь захватывать их. Истеричный человек прижимается к миру с большой степенью гибкости и чутья — но лишь для того, чтобы потом приспособить мир к своим потребностям.

6. Истерическое состояние аффекта и его психодинамика

При углубленном феноменологическом рассмотрении истерии в центре страдания обнаруживается сильная *боль*. Ее можно считать мотором истерического развития. Благодаря ей возникают две защитные динамики. Для защиты *Person* и ее Мочь-Экзистировать (Мочь-Быть-в-Мире) развивается *экзистенциальная динамика*, которая, в свою очередь, оказывает влияние на возникновение и сохранение боли. А для защиты витальности и соотнесения с жизнью мобилизуется *психодинамика* (Längle, 1998). Обе представляют собой в определенном смысле паллиатив («временное облегчение») для боли, не занимаясь, однако, ее причиной. Это означает, что защитные реакции не обрабатывают главную проблему истерии: непреодолимую боль.

Так как психическое состояние боли продолжает удерживаться, защитные механизмы задействуются снова и снова на протяжении длительного времени. Таким образом, возникает *фиксация способа реакции*, что ведет к сохранению симптомов, но также сохраняется и страдание в связи с болью, но теперь оно скрыто, и боль проявляется в форме специфических непереносимостей.

Длительное существование с этой болью связано с большой *затратой сил*. Стресс, вызванный постоянной перегрузкой и скрытым перевозбуждением, ведет к *трем специфическим непереносимостям*, на которые страдающий истерией человек на уровне чувств реагирует сверх восприимчиво («аллергически»). Соприкосновение с непереносимостями сопровождается

быстро возникающей *болью*, для каждой из трех типов ситуаций — специфической:

- 1) Ситуации *стеснения/давления* (Enge/Druck) — тип боли *тягостное мучительное чувство неловкости* (Peinlichkeit).
- 2) Ситуации *насилия* (Gewalt) — тип боли *отвращение* (Ekel) и *ужас* (Grauen).
- 3) Ситуации *одиночества, брошенности* (Verlassensein) — тип боли *мука* (Qual).

Аффективная память вырабатывает повышенную бдительность в отношении таких ситуаций, в которых истерическому человеку угрожает возможность вновь пережить страдание.

Из-за того, что чувство боли остается, ситуации непереносимости вновь и вновь возникают внезапно и рефлекторно, то есть без участия воли и решения. Сохраненный в аффективной памяти опыт вызывает — также в аспекте защиты — *страхи* перед этими ситуациями. При этом речь идет о страхах, которые являются *специфическими для истерии*.

Рассмотрим подробнее, как возникает это страдание при встрече со стеснением/давлением, насилием или одиночеством.

К 1): Ситуации узости, стеснения, давления вызывают сильный психический дискомфорт, тягостное мучительное чувство стесненности, смущения и неловкости, связанные со стыдом

Как внешние ситуации, так и внутренние процессы могут вызвать у человека ощущение «*загнанности в угол*». Внешними стесняющими факторами могут быть социальные, экономические и прочие жизненные обстоятельства. Сюда, например, относятся: нахождение на низкой социальной ступени (соц. меньшинства, гастарбайтеры, тюремное заключение, традиционная роль женщины, узость деревенской среды, давление

* Qual — in höchstem Maße unangenehmes Gefühl, folternde Unruhe, schwer zu ertragender Schmerz — в высшей степени неприятное чувство, мучительное («пыточное») беспокойство, почти невыносимая боль (Толковый словарь <https://www.dwds.de/wb/Qual>). — Прим. перев.

единообразия в группах); сексуальные ожидания; функции и роли, которые исполняются; закрепление со стороны других («ты — такой»); тайны и табу (темы, которые витают в воздухе, но о которых нельзя говорить).

Изнутри стеснение и давление могут, например, возникать из-за нереалистичных претензий к самому себе, высоких требований, из-за пережитой несостоятельности (слабости) или из-за напряжения, связанного с инстинктами (сексуальность!), давлению которых трудно или невозможно противостоять. Под воздействием внутреннего давления (нереалистичных претензий в отношении себя!) быстро возникает тягостное мучительное* чувство неловкости, стесненности. Ощущение узости, тесноты возникает также, если человек не признается самому себе в собственном неправильном поведении, когда «нет пути назад», потому что тогда можно потерять лицо. Это может иметь место при нахождении человека в группе, в связи с высказываниями и утверждениями, или, в еще более широком аспекте, если, например, человек успешно занимается профессией, которую он лично рассматривает для себя как «неправильную».

Прежде всего, ситуация стеснения, узости возникает из-за *Не-Мочь-стоять-за-себя*. Это всегда бывает в тех случаях, когда слабость, неуверенность или какая-то собственная особенность должны быть спрятаны от постороннего взгляда, потому что человек не может или не хочет в них признаваться.

Любая попытка вытеснения, предотвращения или избегания того, что имеется, вызывает внутреннее давление. Желание спрятать нервозность в ситуации публичного выступления: читая доклад, делать вид, что ее нет, потому что «она не имеет право быть» или потому что сам не можешь выдержать собственное суждение о себе из-за страха утратить самосценность. Это вызывает страх и внутреннее давление. Или же страх

* Согласно этимологическим словарям А.В. Семенова и М. Фасмера русское слово «мучение» просиходит от метафоры размалывания, «расплющивания», растирания в муку зерна между тяжелыми жерновами (<https://lexicography.online/etymology/м/мучить>) — *Прим. ред.*

мужчины перед женщинами (и наоборот), или страх перед чувствами и желаниями в отношениях, которое в народе обозначается словом «зажатый».

Другая форма Не-Мочь-стоять-за-себя — *незрелость в принятии решений*: не мочь определиться; не хотеть связывать себя, потому что решение может оказаться неправильным (что вполне понятно, потому что истеричный человек на самом деле себя по-настоящему не знает, и, поэтому, собственно говоря, не знает, чего он хочет). Тогда необходимость принимать решение вызывает особенно сильное давление и загоняет в тупик, что типичным образом ведет к откладыванию принятия решения до последнего.

В качестве *противодействующих реакций* на стесненность возникают *копинговые реакции*, характерные для этой картины расстройств: уход на дистанцию, активизмы (попытка отвлечься, уйдя с головой в «Делать»), раздражение и гнев как формы агрессии, рефлекс мнимой смерти (прятаться, надевать маску или притворяться). Сильное давление может привести к известному истерическому припадку. Человек субъективно чувствует себя словно «изнасилованным», переполненным болью*.

Типичное *тягостное чувство неловкости*** возникает, когда стесненность/давление связаны с самооценностью и стыдом. Если, например, человек изо всех сил пытается скрыть что-то (что субъективно расценивается как слабость), то ему стыдно об этом говорить или быть за этим «застигнутым».

* Фрейд видел в истерических припадках «ни что иное» как «фантазии, изображенные в виде пантомимы» (Freud, 1909). Истерический припадок «является заменой прежде практиковавшегося и затем оставленного аутоэротического удовлетворения» (Ibid., 201), «является эквивалентом коитуса» (Ibid., 203).

** Тягостное чувство (Peinlichkeit) — это понятие, обозначающее сильную, удерживающуюся боль, состояние, которое «терзает» человека и переживается как «мучительное». Это слово в немецком языке заимствовано от среднелатинского «pena» — штраф в аду, и происходит от латинского «роена», греческого «роине» — покаяние, штраф (Kluge, 1975) — Прим. перев.

К 2): Ситуации насилия, вызывают чувства отвращения и ужаса

Чувства отвращения и ужаса возникают в связи с *нарушением персональной границы*, в связи с тем, что другие *не обращают внимания на Собственное*, в связи со *злоупотреблением, использованием, изнасилованием*. Часто эти травматизации обнаруживаются в сфере *сексуальности*. Чувства ужаса и отвращения особенно сильны после сексуального злоупотребления из-за вероломного нарушения интимности. Однако наличие сексуального элемента не является необходимым для возникновения истеризирующей травмы*. Вопреки утверждению Фрейда мы обнаруживали также и «*несексуальные изнасилования*» чувств, близости, интимности и автономии. Например, удерживание в объятиях, которых не хочешь, может переживаться как «ужасное», даже если речь не идет о сексуальности. Например, будучи ребенком, можно чувствовать себя «отданным на растерзание» в объятия взрослого. Это усугубляется, если для взрослого речь идет не о благополучии ребенка, а об удовлетворении собственных потребностей в близости (дети это чувствуют уже в возрасте 1—2 лет).

Связанные с такими переживаниями чувства часто обозначаются *серым** (grau)* цветом и производными от этого словами. Воспоминания об этих переживаниях «серые», безжизненные, бесцветные, без эмоций. В этой связи вырисовываются такие чувства, как «ужасно», «страшно», «отвратительно». При мысли о случившемся охватывает ужас. Это «мучающее», «бесцеремонное» в акте нарушения границ, в том, что было обойдено Собственное, интимное ассоциируется с «жестоким». Человек испытывает ужас из-за беспощадного доминирования Чужого в Собственном, в самой глубине, из-за того, что он должен переживать

* См. у Фрейда далее (Freud, 1909): «Итак, я выдвигаю утверждение, что в основе каждого случая истерии находятся (...) *одно или несколько событий из прошлого сексуального опыта*, относящихся к ранней юности».

** В немецком языке слова «серый» (grau) и «Grauen» (ужас), а также производные от него «gräulich», «grauenhaft» (ужасный, отвратительный) имеют один корень «grau». — Прим. перев.

что-то, что не согласовано с его собственной *Person* и с его волей. «Ужас» — это еще одно имя «отвращения», типичного чувства, сопровождающего нарушение персональной границы.

К 3): Покинутость и одиночество, переживаемые как мучительные

Также и в случае Быть-Покинутым можно найти *внешние* и *внутренние* корни.

Что касается внешнего Быть-Покинутым, многие пациенты в самой болезненной форме переживали Быть-Покинутым и Быть-Оставленным в одиночестве *другими людьми* и не смогли с этим справиться: родителями (особенно болезненно переживается Быть-Оставленным матерью и ее теплом) и другими контактными лицами; это физическое Быть-Покинутым; душевное Быть-Оставленным в одиночестве и Быть отданным; это недостаточное персональное участие в защите ребенка от других лиц (например, от учителей). В особенности отсутствие теплых и нежных отношений с матерью может вызвать длительную и чрезвычайно болезненную тоску, которая будет снова и снова мучительно ощущаться в течение многих лет и десятилетий, и особенно обостряться, если возникнет опасность, что человек снова будет кем-то покинут или это произойдет в реальности.

Ставрос Менцос писал*, что чувства Бытия-Покинутым и одиночества в ответ на чрезмерное давление вызывали у участников антарктических экспедиций истерические реакции.

Переживание *внутреннего Бытия-Покинутым* возникает практически постоянно и неизбежно из-за собственных *действий и установок* как следствие «*истерического поверхностного подхода*» и *отсутствия середины*. Действия и решения совершаются под воздействием внешних факторов: *страха* перед отвержением, наказанием или потерей лица, *тщеславия* и неумного желания признания, или *желаний*, которые идут не из персональной середины, а от истерического стремления «казаться больше, чем ты есть». А также они совершаются под

* Доклад на конгрессе, посвященном истерии, в Праге 26 апреля 1999 года.

воздействием *голода в отношениях и избегания*. Желания заменяют отсутствующую аутентичную волю. Желая, человек не знает, что он, собственно говоря, хочет и копирует то, что утверждают или считают ценным другие. Замена собственной воли желаниями делает истеричного человека восприимчивым также и к желаниям других (что частично объясняет их внушаемость). Из-за этого истеричный человек все меньше принадлежит себе, становится все более одиноким и покинутым самим собой. То же самое касается отсутствия доступа к собственной эмоциональности. Поэтому имеется высокая степень восприимчивости к внешним воздействиям (способность воодушевляться) и недостаточная внутренне закрепленная моральность (сниженная и отсутствующая совесть — раньше истерию называли «*moral insane*» («моральное безумие»).

Страх перед Быть-Оставленным — это, прежде всего, тема детского и пожилого возраста*.

6. Психопатология и психопатогенез

Истерическое страдание может рассматриваться как комбинация *поверхностного подхода, бесчувственности и внутренней пустоты*, которые соотносятся, взаимодействуя друг с другом. Через фиксирование и сцепление друг с другом этих копинговых реакций возникает ядро психопатологии. Оно образует три группы симптомов на уровне поведения. Следующий рисунок (рис. 2) дает обзор различных уровней истерической психопатологии и психопатогенеза, и показывает, как они отражаются в экзистенциально-аналитическом способе действия.

В ходе феноменологического анализа в основе истерического страдания обнаруживается невозможность *Быть-Увиденным* и *Мочь-видеть-самого-себя* в том, из чего состоит собственное «Я». Это переживание связано с болью, которая становится

* Следовало бы провести исследования, чтобы выяснить, имеются ли здесь различия в связи с полом. Вероятно, женщины скорее рассчитывают на то, что будут оставлены, чем мужчины. Но, также вероятно, что они лучше научились выдерживать жизнь в одиночестве.

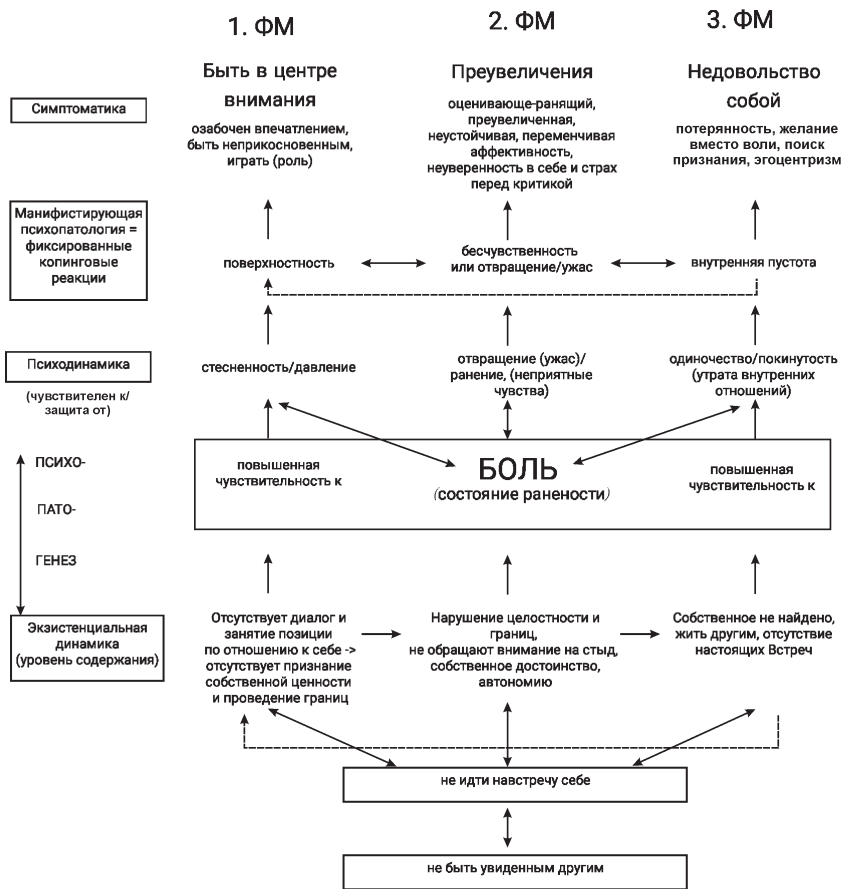

Рис. 2. Обзор истерической психопатологии и психопатогенеза с точки зрения экзистенциального анализа. Схема отображает связь групп симптомов со специфической психопатологией, ее психодинамикой и экзистенциальной динамикой

мотором всего процесса. Благодаря защитным реакциям боль «анестезируется», что происходит, однако, за счет утраты доступа к самому себе и к другим людям.

Истерическое страдание связано со специфическими способами переживания и реакциями, которые, как мы уже видели, сенсibilизированы в отношении стесненности/давления, насилия и одиночества/покинутости. Здесь, чтобы предотвратить

дальнейшую боль и дальнейшее ранение, начинает целенаправленно действовать *психодинамика*.

При феноменологическом подходе в процессе психотерапии постоянно обнаруживается стоящий за истерическим страданием мотор: состояние глубокой ранености (обиженности), *большая боль*, которую пациент, чаще всего не осознает и не чувствует. Она ощущается как угрожающая сохранению экзистенции в такой степени, что, благодаря различным механизмам, напластовывается, отщепляется или через утрату близости и отношений с самим собой удерживается в бесчувственности («психической анестезии»). Благодаря этому страдание, хотя и легче переносится, но происходит это за счет напряжения и значительных потерь в отношениях с самим собой и другими.

В возникновении истерии участвуют не только психодинамические процессы. Ядром и содержанием истерии является повреждение *экзистенциального воплощения себя*. «Не реализовать себя как *Person*» и «не мочь вносить себя в мир» — это представляет для человека в связи с его жизненным проектом настолько большую угрозу, что бразды правления берет в свои руки психодинамика, чтобы обеспечить психически-духовное выживание (Längle, 1998). Психодинамика находится, таким образом, во взаимодействии с *экзистенциальной динамикой*. В этом процессе экзистенциальная динамика представляет собой *содержание*, а психодинамика — *витального носителя*. На основании взаимодействия этих двух динамик в феноменологическом видении возникает картина болезни с ее специфическими симптомами. Благодаря пониманию экзистенциальной динамики, расширяется понимание истерии, и создается лучшая основа для лечения.

7. Психопатогенез на экзистенциальном уровне

На экзистенциальном уровне истерия как расстройство *становления собой* вызвана неуважением *Person* другими и/или самим собой. Человек «утрачивает себя» или не находит

соответствующего *чувства Себя и картины Себя*. Именно это и переживается в истерическом страдании как *боль*. Из-за экзистенциальной угрозы, которую представляет данный дефицит для личности, как следствие, начинают действовать уже описанные выше копинговые реакции с типичными состояниями чувств.

Ниже приведена подборка шести персональных способностей, которые при истерии нарушены, и поэтому воздействуют психопатогенетически. Таким образом, это описание представляет собой *психопатогенез истерии на экзистенциальном уровне*. (Сначала дается краткое описание, затем схема.)

Первые три из шести перечисленных аспектов Бытия *Person* касаются Мочь-Быть в реальности истерического страдания и его возникновения. Все три аспекта группируются вокруг стесненности и давления как центральной психодинамической сенсификации (на рис. 2 им соответствует левая колонка).

На экзистенциальном уровне первым аспектом, обращаящим на себя внимание в истерическом переживании и поведении, является то, что *Person* выпала из своей *середины* или не может удерживать свою середину. Она для себя «отсутствует», она не «присутствует», она утратилась, живет «вдали от “Я”», на границе с другим.

Второй аспект Бытия *Person*, который из-за стесненности и давления не задействуется в достаточной степени (или, наоборот, который из-за недостаточной развитости ведет к стесненности и давлению и запускает психодинамику), — это отсутствующее *занятие позиции*. У *Person* не получается (преимущественно из-за страха) занять позицию по отношению к себе, что обычно происходит в форме внутренней беседы. Внутреннее занятие позиции по отношению к самой себе и к тому, как ты себя ведешь, придает *Person* прочность, «внутреннюю обоснованность», укрепляет ее самооценку. Отсутствие признания и видения самого себя переходит в стремление быть в центре внимания и в поиск признания.

Третий аспект Бытия *Person* — это способность *Стоять-За-Себя* и *Отграничивать-Себя* от того, что в аспекте само-

критики рассматривается как неподходящее. Это также делает возможным ограничение от других. Если эта внутренняя активность — ограничение — отсутствует, то в «Я» может попасть или внедриться все, что угодно, и это может привести его к стесненности: как под воздействием других людей, так и самого человека с его желаниями и потребностями. Таким образом, может возникнуть давление в поле напряжения между (аутентичным) «Я» и не отодвинутым на дистанцию «Другим».

Следующий аспект Бытия *Person* касается преимущественно области чувств и отношений. *Person* в своей ранимости сенсбилизирована в отношении *насилия*. Страдание происходит из отношений (на рис. 2 — средняя колонка). Разрушительные и ранящие внешние отношения, заблокированное чувство и нагружающие чувства, отсутствие уважительного внимания к таким персональным ценностям, как стыд, достоинство, автономия, самооценочность, раненое и продолжающее постоянно ранить обхождение с самим собой ведут к *дезинтеграции внутренних отношений*, к Не-Мочь-Вынести *близость к себе*. В психическом аспекте эта раненая близость с ранеными чувствами переживается как нечто ужасное (это очень точно описано в «Фаусте», когда Гретхен в своей беде способна лишь пролепетать: «Ты, Генрих, страшен мне!!»). Отравление близостью вызывает *отвращение*.

Два последних пункта описывают свойства *Person*, которые, преимущественно, связаны с Бытием собой. В истерическом страдании они связаны с одиночеством и покинутостью, а также с внутренней пустотой (см. рис. 2, правая колонка). Такие чувства возникают, если *Person* не находит *Собственное*, и не может привнести его в мир (что соответствует экзистенциальному уровню). Тогда человек начинает жить другими, и из-за утраты себя он не способен к Встрече. Ему не хватает эмпатического чутья, как в отношении себя, так и в отношении других, открытого видения себя через очки других, а также критической саморефлексии. Пустота вызывает недовольство, он чувствует себя потерянным, внушаемым и т.д.

Далее дается обзор персональных процессов, которые в истерии задействуются не полностью. В краткой форме они уже приведены на рисунке 2.

Психопатогенез истерии с точки зрения экзистенциального анализа (обобщение)

1) В норме Person находится в чувствующем диалоге с собой

В истерии: из-за неспособности удерживать **близость** к себе середина ощущается как «ужасная». Истерик себя не «имеет», он сам себя утрачивает, не идет к себе навстречу, и другие его в этом не видят. Схематично это представлено на рисунке 3.

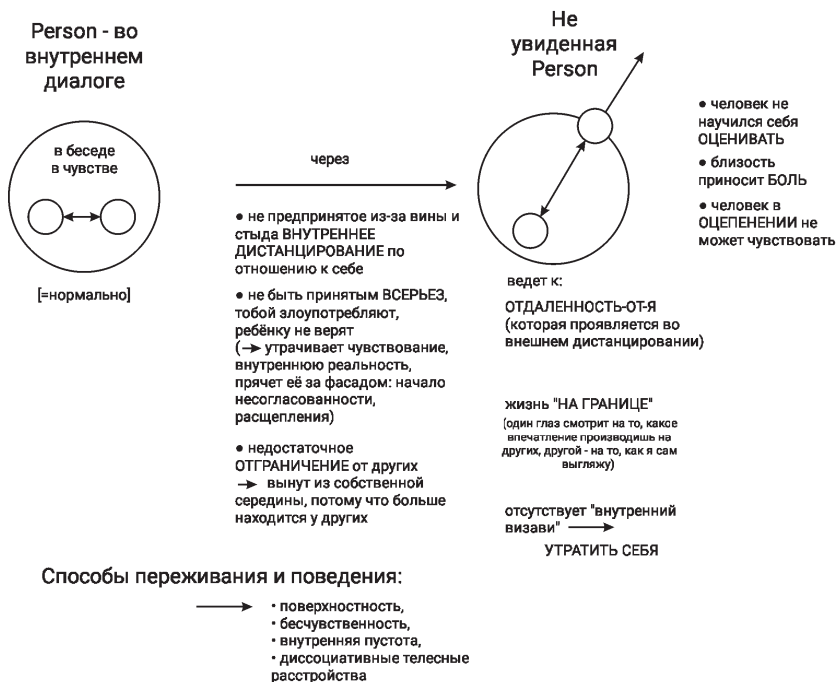

Рис. 3. Способы переживания и поведения: поверхностность, бесчувственность, внутренняя пустота, дистанцированность, диссоциативные телесные расстройства

2) В норме Person занимается тем, чтобы «встать напротив себя и оценить себя»

В истерии: Неосуществленное **занятия позиции** по отношению к себе ведет к отсутствию настоящего признания своей ценности, отсюда стремление к тому, чтобы быть в центре внимания, постоянная борьба за признание, подтверждение, похвалу — к тому, чтобы извне получить ответ, который сам себе не можешь дать.

3) *В норме Person «Соотносится с Собственным, чтобы мочь отграничиваться от других и вступает за себя»*

В истерии: **Границы** не проводятся или не соблюдаются, что ведет к незащитности, чрезмерным требованиям, преувеличениям в действиях, стесненности, давлению.

4) *В норме Person ощущает свою ранимость в интимности и целостности*

В истерии: Ранения, не интегрированная **боль** и нарушения границ стыда, достоинства, автономии, а также переживания того, что тебя не приняли во внимание, обошли, ведут к впаданию в крайности, как схематично показано на рисунке 4.

Из-за возникающей в этой связи гиперчувствительности истерический пациент при переработке информации, в переживании, в поведении впадет в крайности.

Гиперчувствительность в отношении *насилия*: оно причиняет сильную боль и почти непереносимо, даже если только смотреть на это.

Кроме того, сохраняется *бесчувственность* в отношении самого себя, потому что жизнь проживается только в *крайностях* и не может удерживаться в собственной середине.

Однако если истеричный человек неожиданно встречается со своей «ужасной» серединой, возникает гиперчувствительность, затем отращение.

5) *В норме Person обнаруживает свою изначальность в Собственном (совести)*

В истерии: **Собственное** не обнаруживается, не выражается, не проживается следовательно человек не придерживается Собственного. Бытие Собой стирается, когда живешь «из другого».

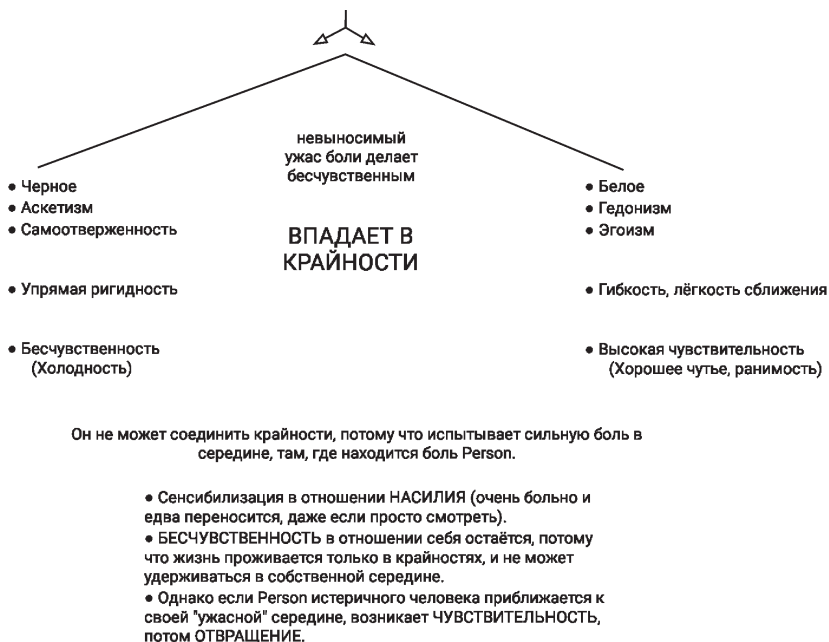

Рис. 4. Схематичное изображение ухода в крайности из-за неинтегрированной боли

Смысл интимности — ее тайна, интенция интимности — произвести взаимный обмен и создать возможность *Person* быть подаренной в глубине персональной встречи, бережно обернутой в стыд (например, интимность сексуальности). При отсутствии этого возникает внутреннее одиночество, пустота, внушаемость, наивность (Бытие Собой не отдается жизни, и остается по-детски неопытным). Вместо воли — желание.

б) В норме *Person* социальна

В истерии: Неудавшиеся попытки заниматься другим, социумом, порождают отсутствие настоящих встреч и чувство покинутости, одиночества. Страх перед ними заставляет истерика применять в качестве защитных реакций манипуляцию, «наезд» и «доставание» (оказывать давление), шантаж или соблазн, проверять отношения.

8. Способности истеричного человека

Выше была описана личность с тенденциями к истерическому: повышенной чувствительностью к таким относящимся к истерии темам и аспектам жизни, как стесненность, давление, насилие, одиночество, а также с центральной темой — Не-Быть-Увиденным в настоящем и в прошлом. Такая личность тем не менее обладает удивительными способностями, представляющими ценность, как для отдельного человека, так и для общества. Картина истерии очень часто ощущается как стигма, а реакция общества на такую личность может быть сформулирована как «Не-Принимать-Всерьез», поэтому в заключение следует специально подчеркнуть специфические способности и тонкость истерического человека.

Он способен оказывать особое воздействие, он — приятный, милый, обладает шармом, живой, может быть очень обаятельным. В нем легко распознается разнообразие идей, динамика новизны, брызжащий энтузиазм, — что-то будоражащее, оживляющее, освобождающее. В крайней форме это может переживаться как захватывающее дух и оглушающее, как остроумное, развлекающее и изобретательное. Он легко идет на контакт, общителен, умеет хорошо себя преподнести, выдает себя за того, с кем «легко», как он сам часто о себе говорит (то есть несложный, с ним не возникает проблем).

В своем поведении истерик гибок, ловок, умел, многое может, быстро включается, предупредителен, поэтому часто готов помочь. Истеричные люди — универсалы, точнее говоря, они считают себя способными на все, везде бывают, всупают в любой разговор (тут они дилетанты, потому что везде чувствуют себя как дома, и поэтому нигде не находятся по-настоящему). Богатство их идей может давать импульсы, рождать инициативы. Здесь имеется креативность, развитое эстетическое чувство, чувство формы (это касается внешнего — мастера оформления!). Благодаря этим креативным способностям, люди с истерическими чертами могут организовывать других (и в наименьшей степени — самих себя), управлять ими. Они способны

делать прогнозы, схватывают тенденции, очень рано замечают, какой оборот примет дело — что является важным в некоторых профессиях (модельер!). Благодаря своему чутью, они узнают о другом (также о терапевте!) быстрее и больше, чем о себе.

Истерическая доля в людях порождает *мотивацию к творческому подходу к жизни*, это «чующая» черта человека, инновативная, креативная, изменчивая.

Конечно, с усилением расстройства эти черты искажаются и в тяжелых случаях уже больше не могут применяться со смыслом и пользой.

Обобщая все сказанное выше, можно заключить, что истерия оказывается сформированной способностью человека удерживать непреодоленную боль на большой дистанции от себя, чтобы нежный, чувствительный полюс *Person* не подвергся дальнейшему повреждению. Для этого в действие приводятся способности, которые, в принципе, представляют собой большую силу для формирования жизни, и которые полны жизни и духа. Это способность к освобождению которая пытается переиграть другой полюс Бытия-человеком: стесненность, боль и ранения. Если проявляющуюся таким образом беду воспринимать как послание, Встречать, понимая ее именно так, и в то же время оставаться центрированным в самом себе, то это может освободить истеричных людей от их страдания.

Перевод А.Н. Шапкина

Научная редакция С.В. Кривоцова

ЛИТЕРАТУРА

Лэнгле А. (2004) Фундаментальные мотивации человеческой экзистенции как действенная структура экзистенциально-аналитической терапии // Психотерапия. М. С. 41—48.

Benesch H. Wörterbuch zur Klinischen Psychologie. München: Kösel. Bd. 1. 1981.

Freud S. (1986) Zur Ätiologie der Hysterie // Studienausgabe Bd. VI. Frankfurt/M: Fischer. S. 51—81.

Freud S. (1909) Allgemeines über den hysterischen Anfall // Studienausgabe Bd. VI. Frankfurt/M: Fischer. S. 197—203.

ICD-10 Internationale Klassifikation psychischer Störungen, Kapitel V. (F). (1991). Bern: Huber.

Jaspers K. (1973) Allgemeine Psychopathologie. Berlin: Springer.

Kapfhammer H.P. (2000) Dissoziative Störungen und Konversionsstörungen // Helmchen H., Henn F., Lauter H., Sartorius N. (Hrsg) Erlebens- und Verhaltensstörungen, Abhängigkeit und Suizid. Psychiatrie der Gegenwart Bd 6. 4. Aufl. Berlin: Springer. S. 149—186.

Kluge F. (1975) Etymologisches Wörterbuch. Berlin: de Gruyter.

Längle A. (1993) Glossar zu den Emotionsbegriffen // Längle A. (Hrsg) Wertbegegnung. Phänomene und methodische Zugänge. Tagungsbericht der GLE 7, 1+2. Wien: GLE-Verlag. S. 161—173.

Längle A. (1998) Verständnis und Therapie der Psychodynamik in der Existenzanalyse // Existenzanalyse 15. V. 1. S. 16—27.

Längle A. (1999) Die existenzielle Motivation der *Person* // Existenzanalyse 16. V. 3. S. 18—29.

Längle A. (2002a) Hysterie. Wien: Facultas.

Längle A. (2002b) Das Selbst als Prädilektionsstelle von Dissoziation und Spaltung // Längle A. (Hrsg) Hysterie. Wien: Facultas. S. 157—176.

Längle A. (2002c) Die Grundmotivationen menschlicher Existenz als Wirkstruktur existenzanalytischer Psychotherapie // Fundamenta Psychiatrica 16. V. 1. S. 1—8.

Mentzos S. (1997) Hysterie. Zur Psychodynamik unbewußter Inszenierungen. Frankfurt/M: Fischer.

Mentzos S. (2002d) Unser Verständnis der Phänomenologie und Psychodynamik der Hysterie am Ende des 20. Jahrhunderts // Hysterie. Längle A. (Hrsg) Wien: Facultas. S. 23—34.

Michel E. (1979) Zur anthropologischen Deutung der Hysterie // Sborowitz A (Hrsg) Der leidende Mensch. *Personale Psychotherapie in anthropologischer Sicht.* Darmstadt: Wiss. Buchgemeinschaft. S. 310—326.

Tutsch L. (2002) Alles (k)ein Problem — Praxis, Theorie und Therapie der histrionischen Persönlichkeitsstörung // Hysterie. Längle A. (Hrsg) Wien: Facultas. S. 59—84.